

Катрин Лове: «Люблю Россию вопреки здравому смыслу» |

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#), 17.02.2010.

© Yvonne Böhler

Предлагаем вам познакомиться с автором вышедшей недавно в свет книги «[Русский и смешной роман](#)».

|

О предстоящем выходе романа автора сама предупредила нашу редакцию, что было приятно. Затем любезно прислала книжку для ознакомления, что тоже порадовало. Затем мы случайно встретились на ужине в честь российского [фотографа](#), выставлявшегося в Лозанне. И тут уж назначили место и время для серьезного разговора. Который и состоялся в любимом нашей редакцией кафе Cocott', хорошо знакомом Катрин Лове, ведь до того, как стать писательницей, она была журналисткой и сотрудничала с экономическими отделами 24 Heures, La Tribune de Genève и L'Hebdo. В 2003 году она закончила аспирантуру лозаннского Института научной полиции (в таких учреждениях готовят кадры для сериала CSI) по специальности криминология.

Катрин живет недалеко от Веве и посещает курсы русского языка в MIGROS. «Русский и смешной роман» - третье художественное произведение Катрин Лове, в котором отразились все ее увлечения – литература, криминалистика, и Россия. Несмотря на уверения Катрин в том, что ей удалось отбросить журналистские привычки и создать настоящий роман, а не документальное повествование, ее вымышленная героиня

Валентина отправляется в Россию с целью встретить вполне реального человека – Михаила Ходорковского. Что это – искренний интерес к неординарной человеческой судьбе или дань моде? Вот обо всем этом мы и беседовали.

Наша Газета.ch : Катрин, откуда у влезанской девушки вдруг обнаружился интерес к России?

Катрин Лове: Из литературы, причем поначалу даже не русской. Первой прочитанной мною книгой, имевшей отношение к России, стал подаренный кузенком (изучившим русский язык) роман Жюль Верна «Михаил Строгов: курьер царя». Вот тогда и проснулось любопытство – что за страна такая, большая, далекая, с такой историей, такой культурой... Став постарше, я начала читать Достоевского, Гоголя, Чехова, и первоначальное любопытство переросло в прочный интерес.

Воочию Вы увидели Россию – тогда еще СССР – в студенческом возрасте, посетив в 1987 году Москву и Киев. Насколько увиденная Вами реальность отличалась от созданного в воображении образа?

Я была в шоке от будничной экономической неэффективности. В этой поездке, как и в последующих, меня интересовал именно не фасад, а реальная жизнь: я много общалась со студентами, ходила к ним в гости, стояла в очередях, меняла доллары на черном рынке. То есть пыталась вникнуть в русский образ жизни.

И чем же он, по-Вашему, отличается от всех других?

Время у русских существует как бы в другом измерении, гораздо более близком к моему собственному – горному, деревенскому. Время не имеет большого значения, когда вы приглашаете кого-то на обед, это может означать и в три часа, и в пять... Главное – человеческое общение, и это мне очень импонирует.

В 1987 году общение, я думаю, шло бурно, и политическая тематика превалировала. Считаете ли Вы, что «четыре слова Горбачева», которые, как Вы пишете, «шептали как смелую поэму» остались лишь словами?

К этому моменту ни у «вас», ни у «нас» не осталось никаких иллюзий о ситуации в СССР. С утопией было покончено, в воздухе отчетливо ощущался запах перемен, но они были еще в зачатке... И все боялись, что объявленные реформы ни к чему не приведут.

Вы достаточно безжалостно описываете Москву той эпохи. Например, сцена в метро, в котором Вашу героиню «тошнит от горького, повсеместного запаха прокисшего молока, пропитавшего все места скопления людей». На станции «Маяковская» Валентина теряет сознание, и чуть было не оказывается задавленной толпой. На ее счастье, в этой «серой массе», обутой в ботинки «модели победа пролетариата», оказывается иностранец – Жан, который и приходит ей на помощь. Вы действительно думаете, что в России «тело давно уже только тело», и что россияне начисто лишены элементарной гуманности?

Я лично присутствовала при подобной сцене. Но описывая ее в романе, я совсем не хотела сказать, что русские – плохие, а иностранцы – хорошие. Это ведь не статья в газете, а художественный вымысел, я даю своим героям действовать самостоятельно, и их характерам – развиваться.

✘ Допустим. Но, честно говоря, после этой сцены странно было читать, буквально на следующей странице, такой пассаж: «Мы так любили эту страну, особенно людей. Мы любили их вопреки здравому смыслу, не пытаюсь понять, почему, как если бы в те далекие годы нам достаточно было чувствовать, и жить. Жить и чувствовать то, что мы никогда не смогли бы испытать у себя. В России мы, наконец, были в огромности, в вечности. Наконец, нас раздавила История. И безумие, заодно». Как же можно это совместить?

Не знаю, но это так. Следует заметить, кстати, что Валентина – это не я. Она и Жан – две стороны одной монеты, Жан – пример вечного идеалиста, человека, который не меняется в зависимости от обстоятельств.

Справедливости ради надо отметить, что и к собственным соотечественникам Вы не менее суровы. Вы развенчиваете миф о доблестных швейцарских воинах (все знают о спецхране Папы Римского), сообщая, в контексте беседы Валентины с высокопоставленным бернским дипломатом, что «наши солдаты шли на службу к иностранным монархам, так как не знали, чем заняться зимой», и «даже в разгаре битвы, достаточно было противнику пошире открыть кошелек, как швейцарцы в массовом порядке переходили на другую сторону». На что дипломат отвечает, что «уже в то время некоторые готовы были платить высокую цену за хорошее швейцарское качество».

Это действительно так, увы. Только сейчас место продажных солдат заняли банки, а в роли «монарха» выступают деньги, роботообразный стиль жизни, ее нечеловеческий ритм.

Давайте перейдем теперь к Вашему главному невымышленному персонажу – Михаилу Борисовичу Ходорковскому. Несмотря на забавное обсуждение этого человека в начале романа (кстати, подобная сцена вполне могла бы иметь место не в Швейцарии, а на подмосковной даче), Вы-то отлично знаете, кто он. Чем же он так привлек Вас, если учесть, что, как Вы сами пишете, Ходорковский ничего не значит в жизни россиян, а уж в жизни швейцарцев и того меньше?

Отвечу на Ваш вопрос, сделав небольшое отступление. Россия для меня – очень важная страна. Не из-за размеров и запасов нефти, но из-за литературы и культуры. Я всегда знала, что когда-нибудь напишу «русский» роман, но думала, что для этого надо состариться. Осенью 2005 года, когда я прочитала об отправке Ходорковского в тюрьму, я задумалась о его невероятной судьбе и поняла, что хочу об этом написать.

К сожалению, его судьба не так уж невероятна: в российской истории немало примеров, когда человек, кажущийся всесильным, превращается в ничто. И публичные процессы, к которым историки, я думаю, со временем отнесут и процесс Ходорковского, – увы, не новость. Другое дело, что в 1930-е годы, например, узникам такого ранга не разрешали переписываться, не то что иметь сайт в Интернете и публиковать статьи в иностранных газетах. Так что, с этой точки зрения, есть прогресс... (это такой у нас черный русский юмор).

Да, но Ходорковский отличается от узников 30-х годов тем, что у него был выбор, и он им не воспользовался. Может быть, как я пишу в книге, "он дал подвергнуть себя унижению, чтобы им больше восхищались". Не берусь утверждать. Но факт остается фактом: он мог уехать, как сделали многие, но отправился в тюрьму.

Ходорковский предстает у Вас, через записи Валентины, романтическим персонажем. Вот, например: "В кузове грузовика не спит заключенный олигарх. Он наблюдает за грязной монотонностью и испытывает глубокую грусть. Это нормально. Развенчанный магнат человек утонченный... В грузовике, везущем его в сибирский лагерь, лишенный всего олигарх расплачивается за свое хорошее воспитание". Также в тексте мельком упоминается "герой нашего времени". Вы полагаете, что Ходорковский - современный Печорин?

Ходорковский напоминает мне героя Лермонтова в том смысле, что он не провидец, не претендует на роль человека, способного изменить судьбу своей страны, да и не стремится к этому. Он умный, хитрый человек, умело воспользовавшийся ситуацией. Никто не ожидал от него героических жестов, и вдруг - он совершает поступок, который заставил многих поменять о нем мнение.

Мнения о нем самые разные - как в Вашей книге, так и в реальной России. Есть люди, которые, как Вы справедливо пишете, готовы "своими руками выдрать глаза этому проклятому еврею, вору и убийце", но есть и те, в основном, представители интеллигенции, которые объединяются в его поддержку. Процесс Ходорковского - один из самых медиатизированных. Для Вас имеет значение интерес общественности к личности Вашего героя?

Если честно, то мне совершенно все равно, кто его поддерживает, а кто нет, хотя обе реакции мне по-человечески понятны. Для меня он - герой моего романа.

Посещая Дом-Музей Кирова Ваш персонаж Жан размышляет: "Всегда опасно иметь прямой доступ в Кремль тем кто умеет читать, но не умеет держать язык за зубами". Вы думаете, сегодня это также опасно, как во времена Кирова?

Думаю, да.

Вы искренне считаете Ваш роман смешным, как указано в названии?

Да. А Вы?

Нет. Несмотря на отдельные забавные эпизоды, в целом я не вижу в нем ничего смешного, скорее, наоборот.

Интересно. Впрочем, слово "drôle" по-французски означает не только смешной в смысле комичный, но и странный. Может быть, стоит так и воспринимать эту книгу.

От редакции: Дорогие читатели! Конечно, нам всем хочется, чтобы нас любили не вопреки здравому смыслу, но совершенно осознанно. Видно, не судьба. Если у вас возникли вопросы к Катрин Лове, вы сможете лично задать их писательнице во время встречи, организованной Женевским Домом Литературы в четверг, 18 февраля, в 20 часов, по адресу Espace Rousseau, 40 Grande Rue, Женева.

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/katrin-love-lyublyu-rossiyu-vopreki-zdra-vomu-smyslu>